

К читателю

В этой книге в сжатом виде будет рассказано главное и необходимое о судьбах русской литературы за последнее столетие — с 90-х годов прошлого века до наших дней. Мы увидим, какими невероятно сложными путями шла она сквозь этот век, ставший для русской литературы временем великих открытий и трагических потерь, высших духовных озарений и погружения в слепящую мглу миражей.

В сравнении с этим столетием таким ясным и гармоничным кажется теперь классический XIX век — от „золотой“ пушкинской поры до всепонимающего позднего Чехова. Но неисповедимы пути Провидения, и — вот еще одна великая и многотрудная литературная эпоха на наших глазах уходит в историю.

Она началась манящим „серебряным веком“ русской культуры и литературы, впрочем, тогда же встревоженная пророчествами Александра Блока, и заканчивается подвижническим трудом Александра Солженицына. Обнадеживший в самом начале великолепным цветением, век этот был почти сразу же надломлен: с первых лет одна за другой сотрясали его революции, войны и, наконец, самый мощный взрыв — переворот 1917 года... И так — до самого заката, до наших дней.

Может быть, главная трагедия века и заключалась в том, что неистовые революционеры пытались оторвать его от прошлого, прожитого, свернуть с вечных путей национальной истории, по своему хотению переменить судьбу народа. И вот — с небывалым слепым (а нам казалось — зрячим) восторгом (а потом — в страхе, а потом — по привычке и уже ничему не веря) мы, миллионы, десятки миллионов советских людей начали разрушать „до основания“ вечную жизнь России, а заодно — и свою собственную, и строить „наш, новый мир“, но — по несбыточным, утопическим планам.

С большим опозданием, заплатив за позднее прозрение неслыханно дорогую цену — неисчислимые погубленные жизни, сломанные судьбы (добавлю к счету утрат множество забытых, вовремя непрочитанных или вовсе ненаписанных книг, ибо в огне эпохи рукописи горели и горели несколько десятилетий подряд и вместе с ними в муках

О СТРУКТУРЕ КНИГИ

„Путеводитель" состоит из четырех основных разделов:

I. Русская литература XX века в контексте русской истории (популярное теоретическое введение).

II. Судьбы русской литературы в XX веке.

III. О русском литературном процессе за сто лет: основные события.

IV. Русские писатели XX века, их книги и судьбы.

V. Источники (аннотированная библиография).

Историко-теоретические вопросы.

Всматриваясь в пути и перепутья русской литературы XX века, мы сразу же оказываемся перед вопросами *теоретического* характера, не разобравшись в которых, невозможно освободиться от укоренившихся догматических представлений.

Вопросы эти следующие:

1. О месте русской литературы XX века в национальном литературном процессе. Здесь речь пойдет о предопределенности всем историческим развитием того пути, который выпал русской литературе в XX веке.

2. Об эстетической, социальной и нравственной ограниченности взгляда на литературу лишь как „отражение жизни" или как „гражданское служение". Критика иллюстративизма, вульгарного социологизма, вульгарного биологизма, вульгарного теологизма в литературе.

3. О литературе как *Слове*, выражающем национальное самосознание и мироощущение, и его судьбах в XX веке.

4. О личности художника, ее духовно-творческой природе и трагедийности судьбы русского писателя в XX веке; о том, кого можно назвать классиками; о Горьком и Маяковском, о Замiatине, Булгакове и Платонове...

I.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ (ПОПУЛЯРНОЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ)

1.1. Русская литература возникла из противоречий национальной жизни

В советское время в течение многих десятилетий история нашей литературы (как и история нашего Отечества) во многом упрощалась и обеднялась. Из этой истории, сведенной к одной только классовой борьбе, оказалось отброшенным все, что не укладывалось в узкие рамки монополюльно утвержденной ленинской теории двух антагонистических культур в национальной культуре и что не соответствовало известному

учению о трех этапах освободительного движения. Послеоктябрьский литературный процесс также должен был уложиться в схемы сталинского „Краткого курса“, а затем соответствовать этапам и стадиям построения развитого социализма.

Собственная духовно-эстетическая природа литературы оказывалась в пренебрежении; неумеренно подчеркивалось и превозносилось актуальное общественное служение литературы. Политизирование истории литературы приводило к обособлению русской литературы советской эпохи от всего богатства и сложности национального литературного процесса, его главных и непреходящих ценностей и ориентиров.

В классической русской литературе, даже в художниках ее „золотого века“ рекомендовалось видеть одних только „разоблачителей“ и „борцов за свободу“; поэтому их творчество, безмерно глубокое, в целом было определено как „критический реализм“. От литературы „серебряного века“, открывшей на грани двух веков возможность национального Ренессанса (однако оклеветанной и воспринятой крайне узко и тенденциозно), советскую литературу также отделили непреодолимым идеологическим барьером.

Советской литературой пытались управлять, создавать по „социальному заказу“ романы, поэмы и песни. И хотя временами казалось: „заказчикам“ это вполне удастся, — на самом деле попытка искусственным путем вывести новую литературу с заданными свойствами, увы, на наших глазах и в наше время потерпела крах со всей возможной наглядностью. „Заказная“ советская литература, казалось еще недавно победно демонстрировавшая свое влияние и распространенность, — вдруг потеряла и то, и другое.

Чем выше год за годом поднималась она на искусственных крыльях конъюнктуры, тем ниже она пала сегодня. Иначе и быть не может, ибо за этими мнимыми взлетами и вполне реальными падениями стоит отомстившее за себя непонимание внутренних законов искусства, его особых связей с миром, с жизнью народной, с национальной историей и душой человека.

Что здесь в принципиальном плане нужно подчеркнуть? Дух народа, его самобытность имманентно воплощаются в национальной культуре, во всем ее космосе — от незримых глубинных устоев до повседневных обычаев и этикета. Силу эту — национальную культурную систему — искусственно создавать никогда еще не удавалось. И управлять самовластно ею тоже нельзя. Наоборот — это она управляет и творит образ жизни нации, определяет облик народа, все его художественные и интеллектуальные проявления (в литературе в том числе). Подлинная литература органична и глубинна по своим национальным основам. Эти основы можно осознать, понять и не мешать им свободно выразиться в

„подвешивать" ее. Иисус сказал: вот заповеди Мои, остальное — в ваших душах и руках. И еще сказал: Богу — Богово, а кесарю — кесарево.

Итак, литература — не служанка той или иной догмы, не иллюстрация к тому, что установлено и найдено другими — социальными или конфессиональными „специалистами". Художник общается с Богом не через их посредничество и не им должен угождать. Он, художник, сам отвечает перед Вечностью и, говоря пушкинскими словами, — „сам свой вышший суд".

И пока он при своем деле — он сам отвечает за то, чтобы выполнить свою творческую миссию достойно. А на Высшем суде он тоже ответит сам — без посредников и духовников.

1.3. О литературе как Слове, выражающем национальное самосознание и мирочувствие, и его судьбах в XX веке

Как известно, Слово возникло как один из главных „носителей" национальной культуры задолго до возникновения литературы. В определенном смысле *душа народа выражена прежде всего в его слове*. Веками национальная культура, миллионы талантливых безымянных людей в бесконечной цепи поколений трудились над переработкой словесного „сырья", пропуская его через фильтры таланта, ума, вкуса, практического применения. Слово одухотворилось, приняло в себя мир — его бесконечность, его благодать и мудрость, и радость, и печаль, а поэты и пророки — известные или безымянные — „глаголом жгли сердца людей". Прожитое тысячелетие научило русское слово уму и силе, одухотворило его. А без этого невозможно была бы сама *правда*, выражаемая сначала в устном творчестве народа, потом и в литературе — искусным и одухотворенным словом.

Понятно, почему Тургенев, размышляя о судьбах России в трудные для нее времена, видел залог ее выживания и спасения в „великом и могучем, правдивом и свободном русском языке"; понятно, почему Анна Ахматова в годы войны полагала, что высшей целью народного подвига является защита Слова: „Но мы сохраним тебя, русская речь,/Великое русское слово,/Свободным и чистым тебя пронесем,/И внукам дадим, и от плена спасем/Навеки".

...Но только ли с войной связаны эти величавые и страстные заклания?

В них выражен куда более глубокий смысл. Всякий национальный кризис откликается в судьбе слова. Большие события в истории народа — это одновременно и потрясения в судьбах слова, в судьбах литературы. Она поворачивает свой слух в сторону *события*, улавливает его, проверяет его, принимает в себя или сопротивляется ему. Все силы выживания народного духа она сосредоточивает в слове,

Короленко, Н. К. Михайловский, А. С. Серафимович, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, С. Н. Сергеев-Ценский, А. П. Чапыгин и другие даровитые художники, которым были ближе принципы реализма XIX века; предтечей поэзии „серебряного века" был И. Ф. Анненский.

Из этого можно сделать два вывода: 1) нормальное, здоровое литературное развитие *непрерывно, преемственно*, какие бы ни возникали внутренние споры и отталкивания; 2) „серебряный век", начало которого датируется, в общем, теми же 90-ми годами и понимаемый главным образом как эпоха *модернизма*, не исчерпывает всего многообразия литературной жизни на рубеже столетий. Более того, в сущности, литература рубежа исходила из всего опыта предшественников, вобрав и переработав его.

Здесь же следует лишь бегло напомнить, чем были для русской культуры и литературы Толстой и Чехов, как они в эти годы понимали вопросы о смысле национальной жизни, о судьбе русского человека.

Нельзя не увидеть, что их произведения полны предчувствий грядущих больших перемен.

Все более заметная утрата сближавшего все сословия общего языка культуры, болезненно ощутимый распад единого и сложного национального организма, расслоение „народа" и „верхов" — все это вызывает острую тревогу Толстого — и в его романе „Воскресение" (закончен в 1899 г.), и в его пьесах: от „Власти тьмы" (1886) до „Плодов просвещения" (1891) и „Живого трупа" (1900), в его публицистике этих лет.

Еще в трактате „Так что же нам делать?" (1886), всматриваясь в нарушенный ход жизни, Толстой предчувствует назревающий взрыв, ибо, восклицает он в сердцах, — „так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!"

В последнее десятилетие жизни Л. Толстой пишет одно за другим выдающиеся сочинения, в которых, в сущности, по-своему выстраданы все боли, все проблемы, перед которыми оказалась и литература „серебряного века".

На духовные искания множества людей влияло в эти годы напряженное *богоискательство* Толстого, его проповедь очищенного от догматических искажений христианства. Это привело писателя к конфликту с официальным православием (конфликт этот завершился, как известно, в феврале 1901 г. анафемой, отлучением от церкви). Уместно добавить, что глубокий религиозный кризис на рубеже веков охватил — к беде обоюдной — и русскую церковь, и русских верующих людей, в том числе и многих литераторов „серебряного века".

жизни... *Разрушить этот порядок!* — вот его заветная мечта. На таком понимании героизма строила свои сюжеты та линия литературы, которая связала себя с идеями борьбы за „социальный прогресс" (Горький, Серафимович, Вересаев, Андреев (он — отчасти!); „пролетарские" поэты и прозаики — Демьян Бедный, например, а также В. Кириллов, М. Герасимов и др.).

Гуманизм Горького не просто возвеличивал Человека; он — *сталкивал* его с якобы враждебным миром, противопоставлял его „окружающей среде".

Прочитайте внимательно пьесу М. Горького „На дне", в свое время с восторгом принятую интеллигенцией. Там нищие, „бомжи", люмпены, ночлежники ведут себя как люди главным образом... *скучающие*. Недовольные жизнью, которая, видите ли, не дает выхода их порывам к *воле*. Они „выше сытости" и выше „рутинной работы". Все главные монологи Сатина — против „сытости", а заодно, и против размеренной, „скучной" трудовой жизни. И горьковский роман „Мать", в сущности, о том же: прочитайте самую первую страницу романа — и вам уже остро *не захочется работать*. Повседневная, трудная, размеренная работа — вот с чем, выходит, нужно бороться. Утверждение *в своей* безграничной и самоуверенной воле и праве менять жизни — свои и других — вот главная цель горьковских героев, ставшая их новой, социалистической религией.

Другая линия литературы тех лет — „декадентская", модернистская, тоже по-своему отталкивалась от „застоя". Она, однако, не соглашалась с ним потому, что „застой" сковывал незримые силы человеческого *духа*. Освобождение этих сил, углубление человека в *бездны* своего духа, стремление к единству „я" и вселенной, искание путей к познанию высших миров — вот путь, на который встали литераторы-декаденты. Но они не призывали менять внешний мир, ужасались перспектив социальной революции (в то же время многие из них, Блок, например, считали ее неизбежной). Им нужна была *духовная* революция, которая способна внутренне преобразить человека.

И те, и другие противостояли догматизму, идейной скуке 70-х — 90-х гг. прошлого века. Но, разумеется, они и в страшных видениях не подозревали того, *что* получится в конце концов из сложения этих двух ожиданий революций: социальной и духовной. А тем временем в массовом русском сознании, особенно в маргинальной полубразованной „толпе", все более побеждало рото-зейное ожидание вг-жих потрясений и мятежей. И — согласие с ними. Все более утрачивался инстинкт национального самосохранения. Традиционное

Полемизируя с акмеистскими притязаниями на то, чтобы быть „школой“, А. Блок справедливо говорил: „...никаких чисто литературных школ в России никогда не было, быть не могло и долго еще, надо надеяться, не будет... ее литература имеет свои традиции... она тесно связана с общественностью, с философией, публицистикой...“

Начну с нескольких слов о *символизме и символистах*.

Впервые поэтическая школа под таким названием возникла во Франции, когда в 1886 г. Ж. Мореас опубликовал манифест, провозгласивший „новое слово“ в поэзии. С русским символизмом эта школа не имела ничего общего, кроме понимания символа как иносказания, введения в слово новых значений. В начале 90-х гг. в России публикует книгу стихов под названием „Символы“ Дмитрий Мережковский, в том же году он обосновывает необходимость нового миропонимания в трактате „О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы“. Тремя годами спустя в предисловии к первому выпуску „Русских символистов“ В. Брюсов писал: „Цель символизма — рядом сопоставленных образов как бы загипнотизировать читателя вызвать в нем известное настроение“.

Но все эти заявления были лишь подступами к существу нового течения. *Настоящий* русский символизм начинается с того момента, когда поэтическое мирочувствование было основано на философии В. С. Соловьева. „В. С. Соловьеву судила судьба в течение всей его жизни быть духовным носителем и провозвестником тех событий, которым надлежало развернуться в мире“, — писал Блок в 1920 г. В. С. Соловьев одухотворил чисто художественные искания своих молодых современников „постижением высоких идеалов любви, добра и красоты“. „Поэзия символистов, — отмечал эту особенность Н. А. Бердяев, — выходила за пределы искусства, и это была очень русская черта. Период так называемого „декадентства“ и эстетизма у нас быстро кончился, и произошел переход к символизму, который означал искания духовного порядка, и к мистике. Вл. Соловьев был для Блока и Белого окном, из которого дул ветер грядущего. Обращенность к грядущему, ожидание необыкновенных событий в грядущем очень характерны для поэтов-символистов. Русская литература и поэзия начала века носила профетический (т. е. провидческий, пророческий — В. А.) характер. Поэты-символисты со свойственной им чуткостью чувствовали, что Россия летит в бездну, что старая Россия кончается и должна возникнуть новая Россия, еще неизвестная“.

„Младосимволисты“, „младшие символисты“ — Блок, Белый, Вяч. Иванов, Волошин видели в символе „окно в Вечность“, в иные таинственные миры, воплощение Вечной Женственности (у раннего Блока это — Прекрасная Дама).

Символисты самоотверженно шли навстречу грядущему „светопреставлению“.

Особый смысл современной им жизни они видели в том, что в ее глубинах заключена и рвется в мир сила духовного преображения. Нужно

Сологуб, Михаил Кузмин, А. Ахматова, Евгений Замятин; она приняла и несомненных наследников той литературы — Д. Хармса, К. Вагина, особенно же „Серапионовых братьев“ (Н. Тихонова, В. Иванова, М. Зощенко, К. Федина, Л. Лунца и др. К литературной „молодежи“ термин был особенно приложим); ясны связи с предреволюционной литературой в поэзии О. Мандельштама, В. Маяковского и Б. Пастернака; большой школой был „серебряный век“ для Э. Багрицкого, Ю. Олеши, Б. Пильняка, Н. Заболоцкого, Л. Леонова, И. Бабеля. Свое место в ранней „советской“ прозе заняли писатели-реалисты „горьковской“ школы — А. Серафимович, В. Вересаев, а также М. Пришвин; и крестьянские поэты, вначале обнадеженные „роком событий“, а затем им же трагически разочарованные, — С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков и т.д. и т.п. — все это на какое-то время заговорило в полный голос, получив своего рода „легитимность“ в качестве „советской“ литературы, все они стали более или менее „советскими“ писателями.

В эти годы и в такой казавшейся сравнительной благоприятной обстановке можно было надеяться на расцвет литературы, тем более, что, как говорилось, в почве „серебряного века“ было и немало сладких ядов, теперь обезвреженных свежим ветром обновления (в которое так верил А. Блок). Освобождение от темных и греховных „услед“, от богемных соблазнов „серебряного века“ давало художникам — *ив особенности литературной молодежи, которая почти вся оставалась на Родине, в России*, — новые духовные надежды. Эти тенденции нельзя не заметить. „Серебряный век“ кружил головы и души, затягивал в омут, кичась его бездонностью. Это, сказать по правде, все же был „бездомный“ век. И не удивительно, что немалому числу интеллигентов, притом самой высокой пробы, новая эпоха казалась путем к очищению и духовному здоровью, как бы поначалу трудно ни складывалась жизнь. Даже А. Ахматова, огорчившись тем, что „все расхищено, предано, продано...“, вдруг изумлялась: „Отчего же нам стало светло?...”

Вот эту-то связь двух эпох остро почувствовал любящий и понимающий литературу А. Воронский, когда в „Красной Нови“ собрал „старых“ и близких им „новых“ писателей в чаянии подлинного *советского* Ренессанса. Напомню, что в эти годы еще поддерживались контакты между литературой в советской России и литературой Зарубежья, и оттуда доносилось немало голосов, откровенно тоскующих о покинутом (например, без тоски по иной возрождающейся здесь жизни нельзя представить поэзию и личность М. Цветаевой, „власть России“ вернула на Родину А. Толстого...).

А разве не служит доказательством продолжающегося „выброса“ творческой энергии и такой несомненный перечень востребованных в послеоктябрьское десятилетие талантов (напомню здесь только совершенно *новые имена*): М. Булгаков, Л. Леонов, А. Платонов, В. Иванов, Н. Тихонов, К. Федин, И. Бабель, А. Фадеев, Д. Фурманов, Артем Веселый, В. Зазубрин, И. Катаев, И. Ильф и Е. Петров, К. Вагинов, Д. Хармс, Б. Пильняк, Н. Заболоцкий, М. Исаковский, М. Шолохов и

Впрочем, что касается влияния книги на жизнь, то большие художники довольно скептически воспринимали возможность слишком прямого и непосредственного воздействия литературы, слова на людей, на общественные нравы, на совершенствование мира. Они полагали, что связь тут есть, но она имеет довольно сложный характер. Известны сомнения Пушкина на этот счет, многократно им высказываемые. Осторожен был в своих суждениях Тютчев: „Нам не дано предугадать,/Как слово наше отзовется./И нам сочувствие дается/Как нам дается благодать”.

Были и суждения — и тоже у Пушкина и Тютчева, и многих других, из которых явствует, как все же велики были надежды на Слово (от „Глаголом жги сердца людей!” до „Я хочу, чтоб к штыку приравляли перо!”).

Русская литература всегда была не только связана с общественной жизнью, историей и судьбой народа, но и сращена с нею. В определенном смысле можно сказать, что она и создана этой связью, этим родством. Н. А. Бердяев так говорил о русской литературе XIX века: она „родилась не от радостного творческого избытка, а от муки и страдальческой судьбы человека и народа, от искания всечеловеческого счастья”. И на то и на другое история нашего века не поскупилась, мук и исканий на долю русскую выпало сверх всякой меры. К русскому писателю XX века больше, чем к кому-либо, можно отнести слова Анны Ахматовой: „Нет, и не под чуждым небосводом,/И не под защитой чуждых крыл,/Я была тогда с моим народом,/Там, где мой народ, к несчастью, был”.

Общая судьба народа и художника есть главное условие продуктивного литературного процесса. Это бывает тогда, когда литературная жизнь наиболее свободна, „стихийна”, когда она развивается по своим внутренним, органическим законам. Но чем она более „зарегулирована”, введена в русло, тем меньше шансов ожидать в литературе нового, оригинального, непредсказуемого. В таких случаях творчество заменяется своего рода литературно-служебным делопроизводством.

Русский литературный процесс XX века ныне встает перед нами почти в своей завершенности. Какой же меркой его мерить? Не пора ли определять его своеобразие, исходя из его глубинных сущностей, а не принуждать его соответствовать внешним, а то и чуждым его природе параметрам? У нас же многие годы, как мы видели, преобладал вульгарно-социологический, иллюстративистский подход. Вот несколько небесполезных напоминаний.

В сталинские времена историко-литературная периодизация была прямо списана "с периодизации, установленной „Историей ВКП(б). Краткий курс" * *. От литературы откровенно, воинствующе требовалась

***Это пример самый поучительный. В „Кратком курсе” читаем: „Глава VIII. Партия большевиков в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920)”. В „Очерке истории русской советской литературы” (М., Академия наук СССР, 1954, ч. 1) видим: „Глава 1. Литература периода иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920)”. Дальше. В „Кратком курсе”: „Глава IX. Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства.

целую четверть века — с 90-х гг. до 1917 года. Установившийся с этого времени режим государственной регламентации очень скоро переменил все прежние условия существования русской литературы. Литература была „расчленена“ по классовым признакам. Немалая ее часть ушла в изгнание. Правда, после окончания гражданской войны появились надежды, особенно у литературной молодежи, на свободное творчество в условиях коммунистической России. Их век был недолог. После короткого оживления 20-х годов победивший политический порядок все более жестко и неуклонно подчинял литературу упрощенным и обязательным идеологическим схемам. Нужно при этом заметить, что упрощение было по-своему *поддержано народными „низами“*, нуждавшимися в простых ориентирах, помогающих разобраться в резко изменившейся действительности.

Лишь вопреки этому двойному принуждению могли быть в те годы созданы выдающиеся произведения, в которых отразился подлинный трагизм новых судеб человека и народа.

В таких условиях литература существовала еще четверть века и все более обрекалась или на молчание, или на оптимистические пропагандистские схемы. Война, на некоторое время напомнившая нам о главной национальной цели — спасении Родины, ее души — „великого русского слова“, снова, казалось, вернула к жизни литературу. Находящиеся у власти политические силы постарались этого не допустить. Проходит еще несколько лет после войны, и постоянное идеологическое принуждение почти совсем убило в литературе чувство жизни.

Смена политического режима в середине 50-х гг. вызвала множество последствий — вплоть до наших дней. И литературе это давало серьезные шансы. Восстанавливалась память. Жизнь выдвигала новых писателей, возвращала забытых... Наступившие времена „оттепели“, а следом и „застоя“, каждое по-своему, при всей их противоречивости, ограниченности, были годами, когда относительно смягчилось давление на литературу со стороны власти. Опять на целую четверть века создалась обстановка некоторой терпимости, допускавшей разнообразие взглядов, возможность полемики, возможность *правды*. В литературе этого времени были сравнительно свободно выражены подлинно значимые „модели“ жизни, воплощенные в т. н. „военной“ прозе, „деревенской“ прозе, „городской“ прозе. Но многие вызревающие в глубинах социального и культурного сознания потребности были все же остановлены в зародыше, задержаны — и не слишком благоприятным политическим и идеологическим климатом (время от времени „оттепель“ сменялась „заморозками“), и сопротивлением литературного руководства, борющегося за сохранение неизменного порядка (особенно кампании против Б. Пастернака, А. Солженицына и многих других).

Ко времени перестройки“ неблагополучие было уже нескрываемым (о чем свидетельствовал все расширяющийся „самиздат“ и „тамиздат“). Еще недавно живые и творческие направления (см. выше) оказались исчерпанными, сами перспективы — неясными.

Наступало новое безвременье.

И все же есть два беллетристических блока, о которых нужно сказать с чувством не вполне обманутых читательских впечатлений.

Во-первых, это исторический роман. После национального нигилизма пятнадцати послереволюционных лет, стало возможным посмотреть в свое прошлое, не проклиная и не охаявая его.

И хотя на историческую прозу наложил свой отпечаток „социальный заказ" (власть нуждалась в респектабельной родословной) — романы А. Толстого „Петр Первый", В. Яна о Руси в эпоху татаро-монгольского нашествия, С. Бородин о Дмитрии Донском и некоторые другие все же остались в литературе.

А во-вторых, особым и характерным явлением в литературе тех лет стала так называемая „массовая песня", уже упомянутая в начале главки. Парадокс „массовой песни" в том, что она была действительно популярна, хотя создавала картину, не имеющую почти ничего общего с действительностью. Она была рупором официальной оптимистической идеологии и внушала только одно настроение: „Раньше песни тоска наши пела, а теперь наша радость поет" или так: „Вейся, дымка золотая, придорожная,/ эх ты, радость молодая, невозможная" и т. д. и т. п. — в таком же залиvisto-оптимистическом, „невозможно" жизнерадостном плане, — особенно у В. Лебедева-Кумача. Эта песня воспринималась в немалой степени как „психотропное", „наркотическое" средство, как спасение от поистине невыносимых нервных, психических перегрузок эпохи; особенно популярны они были к концу 30-х годов, когда самый пик террора остался в прошлом. Среди авторов „массовой песни" нужно назвать еще М. Исаковского, В. Гусева, А. Суркова и др.

Литература русского Зарубежья в эти годы вряд ли может восприниматься в полной изоляции от процессов, происходивших в отечественной литературе, хотя „занавес" казался непроницаемым. Скорее наоборот, сострадание к происходившему на Родине обостряет ее интерес к *России старой, неразрушенной, живой и доброй*, взыскующей, той, которая встает со страниц „Жизни Арсеньева" Бунина, живет в его „Темных аллеях", освещенных глубокой любовью к сложной и трагически-прекрасной природе русского человека, его судьбе, неисчерпаемости его душевных глубин; благодарная память о родном и вечном открывается в лучших зарубежных книгах И. Шмелева „Лето Господне" (1933) и „Богомолье" (1935). Большим событием в судьбах литературного Зарубежья стало присуждение И. Бунину Нобелевской премии в 1933 году.

Вместе с тем, литература и литераторы Зарубежья живут своей текущей напряженной, нервной жизнью. И там не обходится без мучительных расколов. Создается „Союз возвращения на Родину", с которым тесно связан была судьба М. Цветаевой (возвращается на Родину в 1939 г.) и ее мужа С. Эфрона. Кое-кто из литераторов-эмигрантов тоже вернулся навстречу своей несчастливой судьбе. Был репрессирован Д. Святополк-Мирский, был расстрелян и сам С. Эфрон, в лагерях оказалась дочь Цветаевой Ариадна.

По-своему об этом свидетельствует тот факт, что ни „перестройка“, ни последовавшие затем „смутные“, „трудные“ годы нашего явно переходного времени не создали в литературе *нового* стиля. И в этой бессильной бесстильности — знак литературного кризиса; не только распада прежней системы, но и неубедительности новой мифологии — будь то „либеральная“, „демократическая“, „диссидентская“, „националистическая“, „постмодернистская“, „соцартовская“ и т. п. Все это находится в хаотическом брожении, создавая самопроизвольные мутации, выдвигая (и „задвигая“) новые и новые имена и „тексты“, но ни на чем не останавливая внимания надолго.

И в этом — знак глубоких, задевающих самое „ядро“ нашей культуры литературных процессов, нелегких противоречий, трудных исканий.

Видимо, *новой литературе* еще не скоро удастся выйти из этих лабиринтов.

Но так ли нужно скорбеть по этому поводу? Писателям-современникам, видимо, уже не придется быть властителями всех несметных сокровищ, не успеть переплавить их в собственные шедевры. Что ж, значит, новое будет создано теми другими, кто придет следом, — художниками XXI века.

Современное искусство ищет утраченную общую, всех объединяющую идею — социально, нравственно, религиозно преображающую. Когда такая идея будет обретена, *слово* художника опять будет нужно всем. И тогда, как в лучшие века нашей культурной истории, будет воссоздано единое „культурное пространство“ — не через „просвещение“ и „образование“, а через *просветление*. Об этом пишет Даниил Андреев в „Розе Мира“.

И — третье условие.

Чтобы ответить на вопрос: будет ли у литературы „завтрашний день“? — нужно вслушаться и в то, как говорит „улица“ („толпа“, „демос“).

Говорит она — ужасно! Но зато — почти живым голосом. Слово современной „улицы“ измызгано и истаскано по всем помойкам — начиная от обычных дворовых до митинговых. И все же это живое слово, хотя и больное. И самое больное в нем — его душа, измученная и полумертвая. Но раз она болит, — значит, она еще живая. Значит есть и надежда на воскрешение слова.

...Что же касается литературы, особенно текущей, то она, может показаться, умирает за не востребованностью. Еще немного — и читать будет почти некому. В том числе и великую классику всех времен и народов — интерес к ней тоже разом пал в последние годы. А те, кто читает книги — читает их по привычке и зачастую, увы,

воссоединения всего русского общества ради строительства великой страны.

Однако реальный ход истории во всем был противоположен ожиданиям В. В. Розанова.

Октябрьские события 1917 г. он пережил как национальную катастрофу. В Сергиевом Посаде, где он находился последние годы, после семейных утрат, в одиночестве и в близком общении с людьми церкви, он пишет свою последнюю книгу „Апокалипсис нашего времени" (вып. 1—10), своего рода дневник переживаемого им в эти страшные годы.

Он умирает в сложной духовной борьбе, не разрешив до конца многих мучивших его вопросов.

Книги В. В. Розанова не издавались после его смерти около семидесяти лет, но в подлинной истории русской литературы и русской мысли имя В. В. Розанова оставалось одним из наиболее значимых, привлекательных и оригинальных.

Произведения В. В. Розанова:

Сочинения. (Сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина, Т. В. Померанский). М., „Сов. Россия", 1990; Сочинения. (Сост. П. В. Крусанов). М., „Всесоюз. молодеж. кн. центр", 1990.

Литература о В. В. Розанове:

Носов С. В. В. Розанов. Эстетика свободы. СПб., „Логос", Дюссельдорф, „Голубой всадник", 1993;

Николюкин А. Н. Василий Васильевич Розанов. М., „Знание", 1990.

Федор Кузьмич Сологуб

(17 февраля (1 марта) 1863, Петербург — 5 декабря 1927, Ленинград).

Ч. 1-2. М., „Наука“, 1990. (Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького). Ч. 1. 248 с.; Ч. 2. 248 с.

Избавление от миражей. Соцреализм сегодня. М., „Советский писатель“, 1990. 416 с. (С разных точек зрения).

Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. М., „Советский писатель“, 1990. 448 с.

Кожин В. Размышления о русской литературе. М., „Современник“, 1991. 528 с.

Лебедев А. Вчерашние уроки на завтра. Литературная полемика. М., „Советский писатель“, 1991. 366 с.

Селезнев Ю. Глазами народа. Размышление о народности русской литературы. М., „Современник“. 1986. 349 с.

Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX—XX веков. М., „Советский писатель“, 1988. 416 с.

Виролайнен М. Н. Типология культурных эпох русской истории. — „Русская литература“, 1991, №1, с. 3—20.

Русская литература XX века. Очерки. Портреты. Эссе. Книга для учащихся 11 класса средней школы. В 2-х ч. М., „Просвещение“, 1991. Ч. 1. 352 с.; Ч. 2. 352 с.

III. Этапы истории русской литературы XX века от „серебряного века“ до наших дней

О литературе „серебряного века“

Антологии и сборники общего характера

Русские поэты „серебряного века“. Сборник стихотворений. В 2-х т. Л., Издательство Ленинградского университета, 1991. Т. 1-й. Символисты. 464 с.; Т. 2-й. Акмеисты. 432 с.

„Серебряный век“ русской поэзии. (Сост., автор коммент. И. Г. Пан-ченко, В. Л. Скуратова). Киев, „Днипро“, 1991. 638 с. с илл. (Школьная б-ка).

Среди портретов — И. Анненский, А. Блок, Андрей Белый, В. Брюсов, К. Бальмонт, З. Гиппиус, В. Иванов, Д. Мережковский, В. Соловьев, Ф. Сологуб и др.

Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX — начала XX вв. (Сост., подгот. текстов, примеч. и статья М. Ф. Пьяных). Л., Лениздат, 1991. 525 с.

Серебряный век в России. Избранные страницы. М., Радикс, 1993. 340 с. Серебряный век русской поэзии. Сост., вступ. статья, примеч. Н. В. Банникова. М., „Просвещение“, 1993. 430 с. с илл. (Б-ка словесника). Образцы поэзии даны в связи с литературными направлениями эпохи. Поэтические течения в русской литературе конца XIX — начала XX века. Литературные манифесты, художественная критика. Хрестоматия. (Сост. А. Г. Соколов). М., „Высшая школа“, 1988. 367 с.